

Л. А. Дашкевич

ШКОЛА В СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЕ УРАЛЬСКОГО ГОРОДА конца XVIII — первой половины XIX века

В исторической динамике становления и развития российского образования конец XVIII — первую половину XIX века можно рассматривать в качестве особого, достаточно автономного периода. Его своеобразие определили институциональные преобразования 1782–1786 годов, существенно расширившие масштабы распространения светской школы и усилившие роль государства в развитии просвещения. Несмотря на различия в национальных и культурных традициях, с конца XVIII века российская система образования стала развиваться в общеевропейском русле. Промышленно развитые страны в XIX веке почти повсеместно установили светское образование под контролем государства.

Основа для новых тенденций в образовательной идеологии и политике Российского государства была заложена в период правления Екатерины II, получивший в литературе определение «просвещенный абсолютизм». Признание императрицей европейских идей философов-рационалистов и просветителей привело к заметным изменениям в общественно-политическом и правовом пространстве российского общества, формированию новой культурной среды. Характеристика правления Екатерины II в исторических трудах пока неоднозначна, оно до сих пор остается предметом научных дискуссий. Бесспорно, однако, то, что начиная с конца XVIII века понятие «просвещение» для верховной власти стало одним из приоритетных.

Границы просвещения, однако, каждым из монархов очерчивались по-своему. Либеральная модель образовательной системы, намеченная законодательными актами Екатерины II и Александра I, предусматривала создание в России бесплатной и общедоступной начальной народной школы, преемственно связанной со средним и высшим образованием. Центрами образовательной системы страны в первой четверти XIX века стали университеты. На них были возложены функции учебно-методического и административного контроля за работой общеобразовательных школ, высшее руководство школой осуществляло Министерство народного просвещения.

В январе 1803 года вся территория страны была разделена на шесть учебных округов: Московский, Санкт-Петербургский, Харьковский, Казанский, Виленский и Дерптский. Казанский учебный округ, включавший в себя все три уральские губернии, стал самым обширным. В него вошла часть Центральной и практически вся Восточная Россия. В 1824 г. к округу относилось 12 губерний: Казанская,

ДАШКЕВИЧ ЛЮДМИЛА АЛЕКСАНДРОВНА — кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН.

© Дашкевич Л. А., 2006

Нижегородская, Симбирская, Саратовская, Пензенская, Оренбургская, Вятская, Пермская, Тобольская, Томская, Иркутская и Енисейская.

Полностью либеральная модель образования в России, однако, так и не была реализована. В трех уральских губерниях к 1825 году было создано лишь две гимназии (в Вятке и Перми), уездными училищами обзавелись только 54 % штатных городов, приходскими — 29 %. В гимназиях и начальных школах ведения Министерства народного просвещения к концу александровского правления обучалась весьма небольшая доля городского населения. Судя по данным училищных дирекций, в 1825 году их учебные заведения в уральских губерниях давали образование только одной пятой части городских мальчиков школьного возраста. Общая численность учащихся при этом составляла в Пермской губернии 607 чел., в Вятской — 950 чел., в Оренбургской — 267 чел.¹

Гораздо больших успехов в распространении образования Министерство народного просвещения добилося во второй четверти XIX века — во время царствования Николая I. Общее направление образовательной политики этого периода определили консервативные принципы строгой сословности и бюрократической централизации, что нашло свое воплощение в школьном Уставе 1828 года. Нельзя забывать, однако, что напряженные отношения между либеральными и консервативными тенденциями в российском образовании существовали еще до воцарения Николая I, почти с самого начала существования государственной школы. Особенно отчетливо они проявились в конце правления Александра I, когда во главе Министерства духовных дел и народного просвещения был поставлен адмирал А. С. Шишков, крайний националист и враг «французского вольномыслия». Свою главную задачу Шишков видел в искоренении «разврата общества», пришедшего с Запада, и укреплении основ православной веры и императорской власти. Страх перед революционизирующим действием просвещения заставил власти уточнить концепцию образования и воспитания юношества.

Разработанный под руководством А. С. Шишкова Устав 1828 года сохранил сложившуюся систему светской общеобразовательной школы (приходские училища — уездные училища — гимназии — университеты), но ликвидировал преемственность между ее ступенями. Каждая школа теперь давала законченное образование, соответствовавшее, по мысли авторов реформы, социальному положению и будущим занятиям учащихся. Сословно-ограничительные меры николаевского правительства мотивировались как педагогическими соображениями, так и политическими опасениями. Восстание 14 декабря 1825 года утвердило правящие круги в мысли о «ложном» направлении существовавшей прежде учебной системы.

Наиболее четко цель новой официальной идеологии сформулировал один из высших служащих Министерства народного просвещения — С. С. Уваров. Его знаменитая триада «православие, самодержавие, народность» подчеркнула мысль о превосходстве православной и самодержавной России перед гибнущим либеральным Западом. Именно в этом плане — неприятия иноземного воспитания и европейских идей — и было поручено С. С. Уварову руководство образованием. В 1833 году он возглавил Министерство народного просвещения. Справедливос-

ти ради, надо отметить, что либеральные начала в образовательной системе при новом министре полностью подавлены не были. Современные исследователи М. М. Шевченко, Ф. А. Петров, Д. А. Гутнов вполне справедливо указывают на то, что, не смотря на неразумное стеснение общественных инициатив, николаевская школа стояла достаточно высоко в научном отношении². Положение об учебных округах 1835 года хотя и лишило университеты их прежних административных функций, достаточно положительно сказалось на работе высших учебных заведений. Окончательно разграничив высшую и среднюю школу, С. С. Уваров дал возможность университетам сосредоточиться на решении собственных учебных и научных задач, что во многом определило подъем университетского образования в 1840-е годы. Гимназии, предназначенные законом для образования дворянства, в провинции так и не стали строго сословными учебными заведениями. В уральских губернских гимназиях, например, к 1855 году около трети воспитанников составляли представители городских сословий и разночинцы³.

Для уральских губерний вторая четверть XIX века стала периодом подлинного становления средних общеобразовательных учреждений. Численность их воспитанников, по сравнению с 1825 годом, выросла в 4,6 раза. Уважение и доверие к гимназиям вызывала деятельность их просвещенных и энергичных руководителей. Много лет отдали делу образования в Пермской, Вятской и Оренбургской губерниях И. Ф. Грацинский, И. В. Базилев, М. В. Полиновский и другие педагоги. Благодаря им к середине XIX века гимназии Пермской, Вятской и Оренбургской губерний вошли в число лучших учебных заведений Казанского учебного округа. Заметно изменилось к этому времени и состояние дел в начальном образовании. К 1855 году уездными училищами было обеспечено уже 78 % уральских уездных городов, приходскими — 94 %. Численность учащихся в начальных школах ведения Министерства народного просвещения в 1854 году, по сравнению с 1825 годом, увеличилась в 2 раза. В городских начальных школах ведения Министерства народного просвещения на Урале в 1854 году обучалось 3615 чел., в том числе в Пермской губернии — 1477, в Вятской губернии — 1258, в Оренбургской — 880 чел. К середине XIX века государственная школа стала достаточно популярной не только среди привилегированных слоев населения, но и в среде купечества и мещанства. Как свидетельствуют официальные отчеты, в уральских губерниях к 1855 году почти 30 % детей школьного возраста из купеческой и мещанской среды получали образование в городских общеобразовательных школах.

Историки до сих пор спорят о том, благодаря или вопреки режиму Николая I развивалось во второй четверти XIX века просвещение. На наш взгляд, роль осознанной политики в этом процессе бесспорна. Важным фактором развития образовательной системы стало существенное увеличение государственных расходов на школу. Устав 1828 года увеличил штатное финансирование гимназий, по сравнению с законодательством начала XIX века, в 4 раза, уездных училищ — почти в 3,5 раза. Благодаря этому к 1855 году уральские гимназии разместились в новых, достаточно удобных зданиях. Удовлетворительные условия работы получили и уездные училища. Почти все они переехали из съемных помещений в собственные дома.

Качественно улучшился в государственных учебных заведениях и состав преподавателей. Если в 1828 году в гимназиях Пермской, Вятской и Оренбургской губерний число высококвалифицированных кадров (с высшим образованием) составляло всего 62,4 %⁴, то к 1855 году оно выросло до 77,2 %⁵. Штаты уральских гимназий были почти полностью укомплектованы. Среднее и даже высшее светское образование в середине XIX века имели и многие учителя уездных училищ: в Пермской губернии в 1854 году светское высшее или незаконченное высшее образование имели 23,4 % учителей уездных училищ, среднее светское — 38,3 %; в вятских уездных школах светское высшее или незаконченное высшее образование получили 8,2 % учителей, среднее светское — 63,3 %; в оренбургских уездных школах светское высшее или незаконченное высшее образование было у 33,3 % учителей, среднее светское — у 30 %. В 1828 году эти показатели были значительно ниже: в пермских уездных училищах первой четверти XIX века учителей с высшим образованием вовсе не было, учителя со средним светским образованием составляли лишь 25 %; в вятских уездных училищах того времени учителя со светским высшим или незаконченным высшим образованием составляли 8,2 %, со светским средним образованием — 29,2 %; в оренбургских уездных училищах учителя со светским высшим или незаконченным высшим образованием составляли 15,8 %, со средним светским — 21 %.

Благодаря правительственному законодательству второй четверти XIX века, поощрявшему учительскую службу, общественный статус педагогического труда заметно вырос. Служба в училищах стала более привлекательной для выходцев из всех сословий. Заработная плата преподавателей государственных училищ Уставом 1828 года, по сравнению с 1804 годом, была увеличена в 2—3 раза. Все учителя, подведомственные Министерству народного просвещения (включая преподавателей приходских училищ), получили в это время права государственной службы и по завершении работы — необходимое пенсионное обеспечение. Учительскую профессию в качестве жизненного пути выбирали уже не только дети духовенства (как в XVIII веке), но и дворяне, чиновники, мещане и другие представители городских сословий. Особенно велико число выходцев из привилегированных сословий было в преподавательском составе гимназий. В Пермской гимназии в 1854 году дети дворян и обер-офицеров составляли 46,7 % всех преподавателей, в Вятской — 46,1 %, в Оренбургской — 37,5 %. Преподавательский состав приходской школы, однако, по-прежнему комплектовался в основном за счет выходцев из среды духовенства. В Пермской губернии в 1854 году дети духовнослужителей составляли 73,9 % от общего состава учителей приходских школ, в Вятской — 60 %, в Оренбургской — 46,7 %.

К середине XIX века приходская школа оставалась «пасынком» в учебном ведомстве. Финансировались училища этого ранга на средства городских обществ и благотворителей, что обрекало их на постоянные материальные затруднения. Многие из приходских училищ не имели необходимых условий для работы. В Пермской губернии к 1855 году из 12 учебных заведений этого ранга в собственных домах размещались лишь 4, остальные — в домах уездных училищ (5 школ) или

в наемных деревянных домах (3 школы). В Вятской губернии собственное здание имело лишь одно приходское училище, остальные размещались в домах, принадлежавших городским обществам (6 училищ), зданиях уездных училищ (одно) или съемных домах (5 училищ)⁶.

В особенно сложных условиях развивались приходские училища Оренбургской губернии. Городские общества здесь долгое время отказывались от их финансирования, ссылаясь на крайнюю бедность жителей. Согласия городов на участие в содержании образования училищному ведомству удалось добиться лишь в 1839 году, после того как было получено разрешение Министерства внутренних дел выделять средства для школ из городских доходов. Существенного улучшения положения учебных заведений, однако, и после этого не произошло. Собственных домов к концу николаевского правления приходские училища Оренбургской губернии не имели. В 1855 году все они располагались либо вместе с уездными училищами, либо в деревянных наемных домах.

Недостатки в работе массовых приходских училищ стали одной из основных причин недовольства общества политикой правительства в школьном деле. Не устраивали передовых деятелей просвещения и методы образования и воспитания в школе. Устав 1828 года вводил достаточно жесткие дисциплинарные меры для учащихся. Телесные наказания во второй четверти XIX века стали обычными и распространенными не только в низших учебных заведениях, но и в гимназиях. Верховная власть строго контролировала морально-нравственное состояние как школьников, так и их педагогов. Окруженные системой слежки и провокаторства преподаватели были крайне осторожны и консервативны. Многие из них не желали обновлять учебный материал и использовать в преподавании новейшие разработки и педагогические теории. Обучение велось по большей части схоластически, по официально утвержденным учебникам, часто без самых необходимых наглядных пособий. После неудачного завершения Крымской войны недостатки российской системы образования стали очевидны. Необходимость и важность развития школьного дела была осознана и обществом, и властными верхами.

К концу 1850-х годов начальные училища ведения Министерства народного просвещения в губернских и крупных торговых городах были переполнены. Общая численность воспитанников уездных и приходских школ в городах Пермской, Вятской и Оренбургской губерний быстро росла. К 1864 году она увеличилась, по сравнению в 1855 г., на 26,7 % и составила 4 582 чел. (в Пермской губернии — 1 496 чел., в Вятской — 1 576 чел., в Оренбургской — 1 510 чел.)⁷. Для того чтобы удовлетворить стремление горожан к образованию, некоторые городские общества пошли на открытие дополнительных приходских училищ. В 1851 году в Оренбурге было открыто второе приходское училище, в 1859 году — третье. В 1860 году второе приходское училище начало работу в Уфе, в 1861 году — в Перми, в 1863 году — в Кунгуре.

Развитие школьного дела явственно свидетельствовало о том, что образование, формирующее картину мира, уже играло в российской глубинке заметную роль. Границы образованного общества расширялись, просвещение становилось

необходимым элементом городской жизни. Министерство народного просвещения не успевало за этим процессом. Для развития образования у него не хватало ни помещений, ни учителей. Статистические данные свидетельствуют о том, что квалификационный уровень преподавательского состава к 1864 году, по сравнению с 1854 годом, снизился как в гимназиях, так и в начальной школе. В гимназиях в 1854 году число преподавателей с высшим образованием, как уже говорилось, составляло 77,2 %, в 1863 году — лишь 72,5 %. В уездных училищах в 1855 году высшее образование имели 21,4 % преподавателей, в 1863 году — 14,8 %. Среднее образование в уездных училищах в 1855 году имели 74,6 % преподавателей, в 1863 году — 67,8 %. Подобный же процесс происходил и в приходских училищах. В 1855 году 82,1 % учителей в них имели среднее образование, в 1863 году — лишь 68,9 %.

Негативные тенденции в развитии государственной образовательной системы уральских городов свидетельствовали о необходимости внесения в нее коренных изменений. Уже в начале 1860-х годов либерально настроенные чиновники министерства и местные деятели просвещения высказывали мысль о том, что к проблеме развития образования нужно привлечь силы и средства общественности. И надо сказать, что именно общественная деятельность, преимущественно в земствах, позволила позднее сделать решительные шаги в сторону распространения грамотности и знаний в самых широких слоях народа.

Предпосылки для достаточно широкого распространения школьного образования в пореформенной России сложились в ходе деятельности общеобразовательных учебных заведений уже в первой половине XIX века. Роль школы в общественной и культурной жизни провинции того времени не ограничивалась привлечением к очагу знаний все большего числа жителей. В дореформенной глубинке государственные учебные заведения были не только рассадниками знаний, но и «культурными гнездами», оказывавшими гуманизирующее влияние на все слои общества. Источники отмечают, что первые правительственные попытки создания светских государственных школ население уральских городов, воспитанное на псалтыри и часослове, встретило весьма настороженно. Лишь благодаря административному нажиму в конце XVIII века губернаторам удалось добиться активности местных филантропов и сословных корпораций в распространении школьного образования и обеспечении материальной поддержки народных училищ. Временное охлаждение власти к вопросам просвещения привело к резкому оттоку учащихся из государственных учебных заведений. В период правления Павла I их число в уральских городах сократилось почти вдвое.

Постепенно, однако, формировалось иное отношение к просвещению в среде простых горожан. Заметным фактором культурного развития провинции стал учительский корпус общеобразовательной школы. В первой четверти XIX века в составе учителей появились высококвалифицированные люди — выпускники педагогических институтов и университетов. Их усилия, как и меры местной администрации, способствовали распространению просвещения. Преподаватели привлекали к себе наиболее талантливых и активных учеников, прививали им любовь

к чтению и самообразованию. В пользу школьного образования начинала работать и семейная традиция. У горожан, получивших школьное образование, не было предубеждения против казенных учебных заведений. Они охотно посылали своих детей в училища и гимназии. Мода на ученость проникала не только в среду дворянства, но и в семьи купцов и мещан. Судить об общем уровне грамотности городского населения Урала трудно из-за отсутствия сводных источников. Можно, однако, основываясь на ведомственной статистике, утверждать, что численность учебных заведений постоянно росла.

Наибольшую популярность государственная общеобразовательная школа имела в городах Вятской губернии. Училищная администрация отмечала особую приверженность жителей древних вятских городов к просвещению. В городских государственных школах губернии в середине XIX века получали образование около 40 % купеческих и мещанских детей школьного возраста. Пермская губерния обучала в это время в школах около 30 % купеческих и мещанских детей школьного возраста, Оренбургская — лишь 15 %.

Города колонизируемого Оренбургского края существенно отставали от соседних Пермской и Вятской губерний по общей численности обучающихся в начальных школах. Изменить положение удалось лишь благодаря особой правительственной поддержке местных школ и мерам администрации. К началу школьной реформы 1864 года количественные характеристики распространения общеобразовательных школ в городах всех уральских губерний выровнялись. В целом они примерно соответствовали показателям уровня развития школьного дела в городах Европейской России.

Плоды достаточно широкого для того времени распространения школьного обучения сказались на представлениях горожан о ценности образования. Директор Пермской гимназии Иван Флорович Грацинский писал по этому поводу в 1850 году: «В настоящее время потребность образования сделалась всеобщей, необходимость просвещения сознается всеми»⁸. Свидетельством тяги народа к образованию стало массовое движение по поддержке воскресных школ. В губернских и уездных городах Пермской, Вятской и Оренбургской губерний в предреформенные годы работало около десятка воскресных школ. Важным социокультурным явлением городской жизни стало также создание школ для девочек. К началу школьных реформ 1864 года в уральских городских женских учебных заведениях ведения Министерства народного просвещения обучалось около 1 200 девочек. Воскресные и женские школы работали почти исключительно на средства благотворителей.

Благотворительная поддержка стала заметным подспорьем для городской общеобразовательной школы Урала. Любопытно, что законодательное разграничение сословного предназначения школ в уральских губерниях сыграло в пользу народного образования. Богатое купечество стало охотнее поддерживать «собственные» уездные и приходские училища, чем дворянские гимназии. Во второй трети XIX века частные пожертвования в пользу училищ в уральских городах стали обычным явлением. Списки жертвователей содержали сотни фамилий.

Однако полностью преодолеть антиобразовательный стереотип среди горожан училищным властям в первой половине XIX века так и не удалось. Потребность в грамотности в городах оставалась низкой, чему способствовала в определенной степени слабость городской промышленности и торговли. Горная и металлургическая промышленность края в XIX веке была сосредоточена по преимуществу за пределами городов, в заводских поселках, и обслуживалась ведомственной системой образования. В городских семьях образование детей ограничивалось по большей части начальным уровнем, что объяснялось прагматическими соображениями жителей. Для всех уральских городских училищ в первой половине XIX века был характерен широкий отсев учащихся, выбывавших до окончания обучения.

Тем не менее школа оставляла заметный след в душах своих воспитанников. Плоды ее влияния для распространения культуры Нового времени и формирования качественно иной общественной среды сказались вскоре после Великих реформ 1860–1870-х годов, когда в уральских городах усилиями самого населения и правительства была создана широкая сеть учебных заведений. Основанием для их успешной деятельности стал приобретенный ранее культурный капитал.

¹ Национальный архив Республики Татарстан (НАРТ), ф. 92, оп. 1, д. 1956, л. 62–67; д. 6883, л. 39–52.

² См.: *Петров Ф. А., Гутнов Д. А.* Российские университеты // *Очерки русской культуры XIX века: В 6 т. Т. 3: Культурный потенциал общества.* М., 2001. С. 162; *Шевченко М. М.* Конец одного величия. Власть, образование и печатное слово в императорской России на пороге освободительных реформ. М., 2003. С. 90.

³ НАРТ, ф. 92, оп. 1, д. 6883, л. 189.

⁴ НАРТ, ф. 977, оп. «Училищный комитет», д. 1241, л. 273–293.

⁵ НАРТ, ф. 92, оп. 1, д. 6883, л. 127–398.

⁶ НАРТ, ф. 977, оп. «Училищный комитет», д. 1241, л. 293–306.

⁷ НАРТ, ф. 92, оп. 1, д. 8308, л. 120–133.

⁸ *Шишонко В. Н.* Материалы для описания развития народного образования в Пермской губернии с указанием времени открытия учебных заведений. Екатеринбург, 1879. С. 231.